

Антуан Параззит

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Героев не убивали

Антуан Параззит
Героев не убивали

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Паразит А.

Героев не убивали / А. Паразит — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рыжему, солдату Милитарии Сар-Паррик, раскрывающему Великий Военный Идеал, не привыкать сходитьсь грудь на грудь с нечеловеками. Но на сей раз от его решений зависит судьба войны. На стороне Рыжего — вся сила героя, солдатское братство, мудрость генералов и слово генералиссимуса... но хватит ли этого, чтобы одолеть колдуна, перед которым склонились народы, смерть и сами древние боги? Сможет ли Рыжий защитить королеву Агнесс, залог грядущей победы? Сможет ли сын Иудефьяка бросить вызов собственному отцу? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Никогда больше.	6
Глава первая. Женьба рядового	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

В оформлении обложки использована фотография автора Inactive. “grayscale-photography-of-chessboard-game-957312” с <https://www.pexels.com>

“Это началось внезапно, без предупреждения: из неведомой норы, подобно крысе, метнулась одна тварь, раздалось дьявольское пыхтение и приглушенное хрюканье, и потом из отверстия под камином хлынули потоком омерзительные, словно изъеденные проказой, уродливые твари, страшнее самой смерти и самого безумия. Вскипая, булькая, пузырясь подобно змеиному яду, этот поток изливался из зияющего отверстия, растекался, как гной, и устремлялся из погреба, чтобы распространиться по проклятому полуночному лесу, неся с собой ужас, безумие и смерть. Бог знает, сколько их было...”

Говард Филипс Лавкрафт. Притаившийся Ужас

Пролог. Никогда больше.

...Неподвижность. Растерянность.

Было очевидно, что Модест Макри умер, вот только что. Тело ещё не успело остыть, грифель, отворивший алые ключи на запястьях – выскользнуть из ослабевшей руки. Гибель настигла Макри посреди площади, полной людей, готовых – хоть бы и вопреки собственным убеждениям – прийти к нему на помощь, и это было чудовищно само по себе. Но более чудовищной оказалась гримаса отчаяния на лице погибшего. Не ужаса – естественного, а потому неувидительного, но отчаяния! Отчаявшийся паррик мог решиться, на многое, в худшем случае – на предательство, но не на смерть... Впору было заорать – отдай грифель, провокатор! Сволочь, мерзавец, отдай грифель!

Солдаты только и могли, что искать ответы друг у друга, и на лице полковника, застывшего перед мертвецом – великан, обращённый в камень.

– Бумаги... бумаги премиор-генерала!

Спохватился, наконец, кто-то.

Он ещё не понял того, что убийца скончался в одно и то же время с жертвой, и что единственный свидетель, – полковник, – соучастник в той же мере, что и свидетель. Слово не развеяло кошмар, – как в тайне надеялись солдаты – напротив, подтвердило, – он столь же вещественен, как и записи премиор-генерала, лежащие на самом видном месте.

На столе.

Полковник пошевелился, словно кто-то скомандовал “отомри”. Действуя инстинктивно, как человек, проснувшийся не до конца, накрыл рукой окровавленные листы. Дисциплина властно (и вовремя!) напомнила ему – записи премиор-генерала Милитарии Сар-Паррик – дело не рядового ума, и, положив руку на сердце, не полковничьего, но случилось немыслимое – вместо того чтоб отпрянуть от запретного плода как от змеи полковник сгрёб всю стопку разом, и начал читать – вслух. Судя по лицу, напрягшемуся так, что казалось, вот-вот начнёт трескаться кожа, и взбугрившимся якорными цепями мышцам, усилий, потребовавшихся для этого, хватило бы на караван, пробивающийся сквозь топь.

... солдаты просто не знали, что и думать.

Капли крови ползли по рукам самоубийцы, как стрелки по циферблату опаздывающих часов.

Глава первая. Женитьба рядового

Чудовищный Иудефьяк...

Перед его преступлениями бледнеют жестокости гвардийских королей и митисийских Тенши. Никогда мы не сталкивались ни с чем подобным, и другие народы, судя по распространённости заблуждения о несовместимости гения и злодейства, не сталкивались тоже. Как реки что имеют и начало, и конец в океане поступки иных, меньших злодеев нашего времени истекают от Иудефьяка и, в конечном счёте, вновь возвращаются к нему; обогащают и раскрывают его святотатственные свершения, подобно тому, как тысячи комментаторов раскрывают всё новые грани, значения и смысловые оттенки текста, однажды призванного священным.

Ответ на загадку этого существа – а его едва ли возможно отнести к человеческому роду – по всей вероятности, следует, искать не в женолетописи Великой Гвардии, устной истории Митисии или архивах Милитарии, но в “Unaussprechlichen Kulturen”, -Неизъяснимых Ккультах – фон Юнтца, пнакотических манускриптах, или даже на страницах Некрономикона.

Биография Иудефьяка

“Рядовой солдат соответствует героям первой категории, по именам их”

В зеркале величиной в человеческий рост отражалось платье.

“Парадное платье” – то есть почти то же самое что обычное “военное платье”, за исключением того что воевать в нём Рыжему бы не хотелось. Фасад платья украшали разнообразные знаки и иероглифы, напластованные так плотно, что их можно было принять за экзотический вид брони. Каждый из них соответствовал подвигу, реально совершённом Рыжим, однако установить точные связи между списком, уставно повторяемым пять раз в день, и чешуёй нагрудного иконостаса он не мог. Из-за этого самому себе он казался змеем, сбросившим кожу и по ошибке вползшим в чужую.

“Особо выдающиеся рядовые солдаты соответствуют героям Джефферсу, Дарту и другим, соответственно списку, утверждённому и составленному господином генералиссимусом.

Кроме платья в зеркале отражались и ножны.

Они тоже были парадными, богато украшенными – не дать не взять хвост ящерицы молох. Рыжий до половины вытащил меч, – и резко, будто ставя восклицательный знак, вогнал обратно. Знакомый звук успокаивал. Мышцы помнили, как делали то, о чём “платье” только рассказывало. Рыжий забросил клинок на плечо и поправил пояс, показавшийся непривычно лёгким. Не хватало пистолетов, а ведь их тяжесть солдату паррику привычнее тяжести собственных рук. Оружие – неотчуждаемая деталь героического образа, но сегодня Рыжий мог носить только меч. Это порождало чувство неполноты и неправильности, как будто ему предстояло жениться одетым, но только выше пояса.

“Сержанты и полковники соответствуют героям второй и третьей категории по именам их. Генералы соответствуют генеральным героям”

Плюнув на ладонь, Рыжий пригладил волосы, едва не задев при этом потолок.

“Совокупно рядовые солдаты, офицеры, тыловые служащие, и генералиссимус составляют полное раскрытие Великого Военного Идеала народом парриков”

Надо было уже выходить, но солдат, позволил себе минуту задержки – впервые в жизни в его единоличном распоряжении оказалась такая роскошь, – зеркало величиной в человеческий рост и целый дом, которому не хватало только хозяйки. Мысль эта напоминала яблоко с червяком внутри, ... Рыжий поспешно коснулся знаков отличия, – как и клинок, они были прежними, рядовыми, напоминавшими о том, что смена формы, к счастью, не тождественна изменению содержания. Собрался с духом, сказал (молча, не разжимая губ) последний пункт военного символа, добавленный позже прочих.

“Фердинанд Грека в Гвардии, Хорке Ишбала в Митисии и премиор-генерал Милитарии Модест Макри составляют вторичное воплощение господина нашего генералиссимуса”

И вышел на улицу, распрямляясь в полный рост.

Прямо у двери Рыжего подхватил Клаус Бриц, которого в глаза называли господином генералом государственной обороны, а за глаза Кляузником.

– Бдительность – дважды произнёс он – и ещё раз бдительность. Помните, что вам предстоит совершить...

Рыжий кивнул.

Ставка Генералиссимуса, или просто Ставка – Столица Милитарии Сар-Паррик, видевшая смерть родителей Рыжего – строилась из расчета, что врагов не удастся удержать на стенах.

Узкие улицы прихотливо петляли, то и дело, упираясь в тупики, идеально подходящие для засады. Развилки и перекрёстки прикрывали настоящие крепости, опоясанные рядами бойниц, заменивших окна, – протиснуться сквозь них внутрь не смог бы и ребёнок. Двери их, что крепче иных ворот, затворялись только по нужде – делать это по прихоти, как у других народов, – слишком тяжело, даже для не боящихся трудностей парриков. Стены, поднимавшиеся выше крыш, венчали их рядами зубцов – целые улицы серых королей окружённых войнами в островерхих шлемах. Плотью им, плотью Милитарии служил камень, и ничего кроме камня, кровью хваткий строительный раствор, – огонь не нашёл бы здесь не то что пищи, подавания. И хотя врагам лишь единожды удалось ворваться в столицу парриков, город наращивал слои защиты, будто качал мышцу, – удобство, приносилось в жертву без размышлений. Страх перед Иудефьяком был очень велик.

Без Брица Рыжий, наверное, потерялся бы в этом саду, заполнившемся в тот день всклень туманом, – как будто все домохозяйки мира целый день стирали на улицах бельё.

Генерал привёл солдата к Штабу, громоздящемуся на площади Раскрытия Генералиссимуса как борец изготовившийся к схватке. Над ними тоже потрудились руки строителей, впрочем, уже без фанатизма. Все понимали, что если врага не остановят стены, если он пробьётся через вертограды улиц исход один – в землю.

Впрочем, сегодня тяжёлые врата Штаба распахнулись, будто руки радушного хозяина.

Перед ними заблаговременно выстроилась в шеренгу первая рота “победоносного” полка, – родная рота, родного полка Рыжего. Настало время прощания. Рыжий уже знал, что не вернётся в полк, скорее всего, никогда. Знали об этом и его полковые братья. Полковник Хёнинг не отрывал взгляда от Рыжего, как будто пытался сделать с него фотографию. Это нервировало рядового и заставляло его краем глаза наблюдать за полковником.

(Если Клаус Бриц, генерал государственной обороны, неведомым образом умудрялся вызывать у Рыжего ассоциации со всеми земными, небесными и водными хищников разом, то Хёнинг, бессменный повелитель лучшего на рыцарском фронте полка, – только со старым вороном. Возможно, дело было в грузе лет, заставляющем спину полковника кривиться, а голову всё более опускаться меж плеч, ... Силы в руках Хёнинга, впрочем оставалось достаточно, чтобы задушить бойцового пса. Взгляд по-прежнему вызвал ассоциацию с пистолетом, – с пистолетом, спусковой крючок которого уже нажат, когда он смотрел на врага. Это означало – неизбежное нарушение героического соответствия вследствие естественного износа организма укладывается в пределы нормы)

Сержант Петер отдал честь своему солдату (“блин с клином Рыжий”, тут же вспомнилось Рыжему, “блин с раскладушкой”) и рядовой пошёл вдоль строя, пожимая протянутые руки.

Солдаты-паррики – семена, посеянные господином генералиссимусом на камнях и взошедшие; эхо его речей, сокрушившее стены гвардийских замков и вернувшееся – встречали Рыжего странной смесью гордости, сочувствия, торжества и чувства вины. У одного из них сочувствие вытесняло прочее, как тело, погруженное в воду – саму воду. Этим солдатом был Хнас, что заставило Рыжего задержаться чуть дольше.

– Иудифь! – скривился Хнас, кажется, Рыжий слишком сильно сдавил его руку.

– Иудифь с головой Олоферна! Эх ты, Рыжий, ...

Рыжий был самым крупным, сильным и смиренным братом в полку – весельчак и острослов Хнас, разумеется, не мог пройти мимо такого сочетания. Подчинённый Хёнинга ожидал, что от полкового брата роя насмешек, так как это происходило обычно.

А Рыжий не умел отвечать на насмешки – и знал, что не научится никогда. В его ненормально большом теле и костей оказалось больше, чем положено человеку, и лишние угнездились не где-нибудь, а в языке. Говорить для Рыжего было всё равно, что для женщины класть стены Ставки. Конечно, он мог бы просто отбить у Хнаса и ему подобным тягу к веселью за собственный счёт, да только не мог. Глядя на телесную мощь солдата, легко можно было представить обычную для чудо-богатыря историю – погладил по голове – отвалилась, приставил назад – не приросла, – но обошлось без этого. Первый на поле боя, со своими Рыжий не дрался даже в детстве, даже в приюте, из-за чего на нём клещами повисла целая тьма унижительных кличек, отвалившихся на войне.

Однако Хнас глядел так, словно только и думал, как бы помочь полковому брату. На миг солдат даже поверил, что выгорит. У Хнаса ум – острее языка.

– “считать её человеком” – поспешно вспомнил Рыжий полученный от Брица приказ.

Рыжему предстояло жениться на королеве – Хнас это знал. Но также он знал, что королева эта – гвардийская, и после победы, когда у всех парриков, а не только у заслуживших, будут жёны, его удачливый брат будет мыкаться с нечеловечкой. На взгляд Хнаса, карьерный взлёт, – если это можно было считать взлётом – обходился Рыжему чересчур уж дорого. Сам же Рыжий предстоящую женитьбу, воспринимал как осаду крепости. Осада это весело, поначалу – пока “корольки” (в полку Рыжего никто не называл многочисленных гвардийских правителей королями) посылают рыцарей – поединщиков, надутых от гордости, а он, Рыжий, неизменно лопаает их под ободряющие крики парриков. Но потом она превращается в нескончаемое вытягивание больного зуба – редкие штурмы, регулярные потери, скука, пустой желудок, комарье, липнущее к телу мокрой одеждой, болезни... Рыжий пожалел, что не успел поделиться мыслями с Хнасом.

Он сказал бы ему, что хоть паррики и любят сражаться в поле, где им не нет равных, и ненавидят осады, да – но, тем не менее, замкам, взятым ими – несть числа. Он, Рыжий, не раз первым взбирался на упрямые стены. А значит, всё образует в итоге, ... наверное.

“Это ради всех парриков” – невысказанное повисло в воздухе как взвесь.

Рыжий всё ещё держал Хнаса за руку, переминаясь с ноги на ногу, и ветерок доносил до них аромат экзотической сигары Клауса Брица, стоящего поодаль. Рыжий не различал оттенков, но, сколько он видел генерала “госников”, тот всегда курил – как будто сигара была специфическим органом чувства, отращённым Брицем на его нелегкой службе. Службе, теперь включавшей в себя и его, Рыжего, облачённого ответственностью.

Хнас сглотнул, и надо же! – смахнул слезу.

“Бальтазар – его морда!” – вспомнил Рыжий с некоторых пор любимое ругательство Хнаса, значение которого не знал никто кроме самого Хнаса. Наверное, он почерпнул его из той книжки с крестиком, что Рыжий дисциплинированно избегал как запрещённую.

– А у тебя задница! – солдата, обычно передразнивавшего Хнаса, в строю не было. Его имя, то есть имя его героя, понесёт теперь другой паррик.

Мысль об этом заставила Рыжего сжать зубы – и поспешно расслабить мышцы – в противном случае он бы просто раздавил ладонь Хнаса.

Расчувствовавшийся рядовой не заметил, как подошёл Хёнинг.

Полковник развернул Рыжего к себе и крепко сжал его предплечья (чтобы сжать плечи Хёнингу пришлось бы стать на цыпочки). Такой благодарности Рыжий не устаивался даже тогда, когда в одиночку перебил семь гвардийских рыцарей, столько же обратил в бегство, а их идола-кумира взял в плен и сгрузил к ногам полковника. “Герой! Герой Джефферс” – прошлый и будущий Хёнинг говорили в унисон – “настоящий паррик!”.

Растерявшись (в том числе потому что Джефферс был гвардийцем, и раньше Хёнинг этого не забывал) Рыжий не нашёл ничего лучше чем отдать честь. Хёнинг дёрнул кадыком, развернул Рыжего к распахнутым воротам Штаба и подтолкнул его в спину.

Солдаты проводили Рыжего криками “Слава!” и “Держись!”

В Штабе оказалось светло, как в прямом, так и в переносном смысле.

Так что даже зарябило в глазах.

От чинов, – Рыжий видел знаки отличия, но даже близко не понимал их значения, и тем более как они соотносятся друг с другом (правду говорят, что штабные размножаются почкованием!). От орденов, – заслуг и подвигов, переведённых по гвардийской моде на язык вещей, – узри Иудефьяк заблаговременно сей перечень, он бы, пожалуй, и не решился начать свой великий поход против всего человеческого. От телёс – не имей Рыжий такой склонности к тому, чтобы унаследовать землю, вспомнил бы не про “размножаться почкованием”, а про “разводятся на убой”. Наконец, от вещей – многим из них рядовой не знал названий, а иным затруднился бы их и дать, – из Митисии, что ли? Роскошь обстановки сделала Рыжего похожим на рыбу, вынутую из проруби.

На выручку снова пришёл Клаус Бриц. Он молча взял солдата под локоть, протащил сквозь галерею – скульптурный? графские развалины? – штабных и усадил в мягкое как зыбучий песок кресло, в глубине стратегической залы.

– Счастлив вам сообщить, что жених на месте!

Кресло стояло перед странным, похожим на обрезанный по краям блин, возвышением. Чем-то оно напоминало алтари, на которых гвардийские рыцари плясали бесполезные жертвы предавшимся Иудефьяку богам, но было существенно шире и приземистей. По нему можно было ходить – три-четыре шага, почти как в рыцарской камере-одиночке...

Сбитый с толку – ни о чём подобном ему не говорили – Рыжий не заметил, как следом за ним вошли полковник Хёнинг, сержант Петер, а с ними отобранные рядовые солдаты, коим разрешили присутствовать на церемонии. Они быстро смешались с солдатами, точно также отобранными из других полков, и представителями службы государственной обороны, что пытались должным образом расставить вошедших промеж генералов и полковников так, чтобы итоговая картина знаменовала единство героев Милитарии.

Впрочем, Рыжий не заметил бы и большего – он увидел генерала Санрэя.

Он сидел наискось от странного возвышения, за одним столом с премиор-генералом Модестом Макри и незнакомым пожилым полковником с митисийского фронта – тот морщился и дёргался, как будто какой-нибудь Хнас подбросил ему в платье иглу. Поймав взгляд рядового, Санрэй подмигнул, что заставило Рыжего зардеться девушкой и поспешно отвернуться к возвышению. Рядовому было невыносимо стыдно смотреть в глаза генералу, ведь ранее он, вслед за сержантом Петером и полковником Хёнингом, считал его репутацию дутой, и уверовал только третьего дня, побывав в окружении.

Это Санрэй исправил ошибки ещё одного своего соседа генерала Эдмунда, спас “победоносный” и “стойкий” полки и вывез уже потерянное парриками сражение.

Да, теперь Рыжий мог бы рассказать (если бы мог!) скептикам как это было. Шипастые панцири рыцарей сжали полк так плотно, что пленником их оказалось даже зрение – не было просвета среди врагов. Не торопясь, гвардийцы наваливались на братьев Рыжего по нескольку за раз – так собаки рвут на части медведей. Сам Рыжий, полковник Хёнинг (он всегда сражался впереди, вопреки возрасту), сержант Петер, Хнас и другие могли только отбивать сыплющиеся со всех сторон удары, – пистолеты онемели, разряженные, смолкли *гаубийцы* – а через их головы птицами по весне летели стрелы, обрывая жизни парриков...

(– Переброску необходимо провести в кратчайшие сроки – генерал Санрэй отёр кровь с меча и с лязгом вогнал его в ножны – митисийские нечеловеки, узнав о наших успехах в Гвардии, ускорили подготовку к наступлению. Вы должны успеть до его начала.

Они стояли перед ним, все, кроме тех, кого раны вынуждали поступиться уставом – грязные, выжатые, с потемневшим от крови врагов оружием. Он стоял перед ними, такой же грязный, потный, торжествующий, улыбка – оскал! – коверкал красивое лицо. Между генералом и солдатами корчились связанные по рукам и ногам пленные рыцари, и среди них Рыжий узнал того, кто презрительно швырнул Хёнингу под ноги приказ о капитуляции, по гвардийскому обычаю в письменном виде, с печатью “королька”. Рыжий указал на пленника Санрэю, и тот, поставив ногу на голову побеждённого, вдавил лицо нечеловека в вымешанное солдатскими ногами тесто влажной гвардийской земли.

Никому не пришло в голову усомниться в реальности митисийской угрозы. Ну и что, что Гвардия и Митисия находятся на разных концах света? Все знают: митисийцы – колдуны, а для Иудефьяка это и вовсе проще, чем поковыряться в заднице...

– ... Я вижу героя Дарта, героя Вильгельма, героя Джеймса, героя Максимилиана, героя Джефферса, я вижу раскрытие присутствия господина нашего – генералиссимуса! – голос Санрэя пошёл вверх, как будто спрятав один клинок, он обнажал другой – и я вижу, что героев не убивали! Я вижу их, победителей нечеловеков в Гвардии, а в будущем и в Митисии! Я вижу смерть проклятого Иудефьяка! Я вижу – Великий Военный Идеал!

По окончании речи Санрэй отдал Хёнингу свой пистолет.

... второй подарю в Медине!

После того боя отношение к генералу Эдмунду, некогда любимчику армии, сделалось как протухшее мясо. Рыжий, несмотря на спешку и усталость, отыскал Эдмунда и, шкандыбая на костылях жестов, как мог, поддержал его. Ошибки бывают у всех – пытался донести до Эдмунда Рыжий, выкручивая язык как тряпку – тем более что виноваты в них главным образом “крысы”. То есть премиор-генерал Макри и его штабная стая, по чьей милости гвардийская армия испытывает нехватку во всём необходимом, а множество парриков маринуются в позорной резервной армии, постепенно утрачивая соответствие. Если бы не это, Эдмунд, конечно, выиграл бы сражение сам, без помощи генерала Санрэя.

Рыжий очень хотел помочь Эдмунду. Он считал его хорошим генералом – во всяком случае, более близким к солдатам, чем грозный Фердинанд Грека, заговорить с которым вот так Рыжий никогда бы не осмелился. В глубине души он даже мечтал однажды стать таким как Эдмунд, благо мечтать о том, чтобы уподобиться Санрэю не хватало духу.

Рыжий надеялся, что Эдмунд всё понял правильно, но уверенности не было – генерал выслушал рядового молча (под левым веком его как обычно подёргивалась жилка), а после голосом, ровным как плац, приказал вернуться в расположение своего полка.)

Да, Рыжий мог бы рассказать многое.

Иные солдаты, с подачи Хнаса, даже подначивали его, мол, когда ещё представиться возможность достучаться до самого премиор-генерала Макри! “Ведь он совестлив” – повторяли в победоносном полку характеристику, данную Макри ещё генералиссимусом. И, выдержав присущую анекдотам паузу, заканчивали цитату:

– “но без последствий”

Это потому что Макри назначили в Штаб – полагал Рыжий

Он часто слышал о хороших солдатах, становившихся плохими после того, как их назначали в Штаб. Наверное, – думал Рыжий – вдали от фронта соответствие героям ослабевает. Если бы Макри вернули в армию, он бы быстро исправился. А то, что там его презирают или считают посмешищем – проходяще. Вот его тоже поначалу презирали.

А посмеиваются до сих пор.

Рыжий по-настоящему не ненавидел Модеста Макри. Премиор-генерал, как и все здесь собравшиеся, включая незнакомого полковника и “крыс”, составляли его мир, сочетаясь друг с другом столь же естественно, как дни человеческой жизни или времена года. В мире есть места, где хочется быть, места, куда мечтаешь попасть, знакомые места, о которых можно судить только по их репутации, и места неприятные, с которыми не хочется иметь дела. А ещё места, каких лучше бы не было, но, тем не менее, есть и это хорошо, поскольку обойтись без них нельзя, как нельзя обойтись, например, без выгребной ямы. Таков Штаб, и этим он отличается от мест, которых быть не должно, и в скором времени не будет – мест, принадлежащих Иудефьяку.

Рыжий перевёл взгляд на трофейные знамена, развешанные на стене позади возвышения – митисийские, с изображением Солнечного Затмения и гвардийские, с богами, – все в кровавых пятнах, и засохшей грязи (паррики не чистили трофеи) – и испытал по-детски чистую радость, различив среди них им сам вложенные в руки полковника Хёнинга.

“Считать её человеком”, ещё раз повторил солдат, не позволяя себе расслабиться.

Бриц сказал правильно, – враг не дремал.

(“Это совершенно необходимо?” – скрипучим голосом спросил за спиной солдата незнакомый полковник.

– Увы, – Рыжий не видел, но на губах Санрэя рыбкой в реке мелькнула улыбка.

– Да, – мрачно сказал генерал Эдмунд, облокотив на сцепленные ладони тёмное, как будто намазанное дёгтём лицо.

– Да, – повторил премиор-генерал Марки – Да. Таков их обычай.

Модест несколько нервно оглядел соседей и сделал неопределённый жест рукой.

– Ну что же... начинаем?

Возражений не последовало, и Макри дал знак рослому, почти как Рыжий, офицеру, давно вытянувшемуся наизготовку. Офицер поднял прислонённое к столу било и от всей души засветил им о заранее повешенный на стену ритуальный гвардийский щит, заставив Макри болезненно сжаться, а Эдмунда скрипнуть зубами. Поморщился даже обычно безукоризненно вежливый Санрэй. Этой... ловли рыбы врывчаткой, не было в планах, но... спеша набросить мелодичную вуаль на досадный прокол, щиту откликнулись колокольца, соловьи среди светильников, и скрытый, словно в засаде, военные оркестр.

Барабаны... флейты, гобои, а следом и чужие инструменты, имитирующие невесть что)

Только сейчас Рыжий осознал, что в Штабе, оказывается, полным-полно гвардийцев!

2

...она вышла из задрапированной трофейным (трофейным?!) знаменем двери и, шлёпая босыми ногами, поднялась на странное возвышение.

“Иудифь с головой Олоферна” ...Как выдающемуся солдату, соответствующему герою Джефферсу, Рыжему часто приходилось исполнять государственную обязанность с женщинами. Со временем их образ в его душе пообтёрся, сделался усреднённым. Так устанавливаются границы нормы, с обязательным включением погрешности, допустимой в обе стороны. Рыжий хоть и не знал книги, откуда Хнас вычитал этот образ, проникнулся им и представлял себе страшное – женщину с головой бородатого мужика, а то и вовсе кривоzubой опененной мордой гиены. На счастье рядового, химера оказалась химерой. Королева Гвардии была целиком женщина, и это облегчало задачу считать её человеком.

Паррик мог убедиться в этом воочию – тело гвардийки прикрывали только редкие татуировки на плечах, запястьях и щиколотках, символически связывающие её с болотом предков и океаном родственников. Рыжий мог видеть грудь, зёрнышки сосков, живот, угольной пылью рассыпанные ему родинки и чёрный цветок, на розовом стебельке расцветающий в самом его низу. Королева Гвардии несла наготу так же, как наступающий на врага воин несёт щит, прикрывающий его от стрел, или может быть – знамя? К счастью, ничего из этого не было Рыжему – ветерану рыцарского фронта – в диковинку.

...и когда гвардийка остановилась в центре возвышения, в голове рядового словно что-то щёлкнуло. Странное сооружение, похожее на постамент памятника-великана, таки было алтарём! – а точнее, одной из разновидностей их, называвшейся Сцена. Таких в Гвардии, как грязи, просто Рыжий дотоле не мог совместить со Ставкой и Штабом место, где гвардийцы – и сами рыцари, и их голые дамы – творили оскорбляющее военный идеал колдовское действие, обращённое к Иудефьяку.

Женщина топнула ногой, и из её глотки вышел рык
Низкий, непередаваемо грозный, абсолютно мужской рык

...В чёрно-чёрной стороне. В чёрно-чёрном месте
Я поставил себе чёрный трон.
На троне утвердившись, Я обзрел, ликуя
Все земли подвластные Мне
И что Я вижу?
Как дурной болезнью, мир поражен парриками,
Врагами Моего Имени.
героепоклонниками,
Ненавистными Мне!
И нет среди них и единого, коего не следовало бы
Вытравить как гнус.

Да, устами гвардийки, несомненно, говорил Иудефьяк!

И вот Я пишу рабу Своему, Тенши в Гвардии
Что сделал ты, чтобы этого не было?
А, впрочем,
Знаю,
Твоим усердием уничтожены многие,
Из “стойкого”, “смелого”, и “победоносных” полков
Впредь дело ты должен доводить до конца!
И рабу Своему Якурову Я пишу, гневаясь,
Почто ты медлишь с истреблением парриков?
Ты Якуров, раб хороший, праведный
Правильный.

Но атмосфера у тебя там нездоровая. В соратниках
У тебя малохольные...
Сорными травами вокруг тебя кольшутся,
Остерегись, раб Мой, им уподобиться.
В слове.
В мысли.
И побуждении.
Малых и великих поступках.
Этой рукой Я возьму изменника.
В зомбя переделаю. И будет ему
Тьма.
И скрежет зубов.
В четыре глаза следи за рабами Моими митисийскими.
Чтобы не сделалось с ними того...

... Королева выждала, пока эхо странного монолога изморозью осядет на знамёнах, пиршественных кубках и ушах слушателей, опадёт как жаба по завершению сезона размножения, змеями и крысами расползётся по углам стратегической залы, а затем спрыгнула со сцены и стала перед Рыжим, глядя на него как на унылое говно.

На таком расстоянии рядовой мог чувствовать её запах.

– Ваша невеста – сказал незаметно подошедший генерал Санрэй – Дама Агнесс.

(Положив руку на спинку кресла – дряхлого старца, кряхтящего и стонущего под весом жениха – Санрэй пристально, оценивающе разглядывал женщину – о нём недаром говорили, что он берёт себе лучшее оружие и лучших людей. Генерал чуть-чуть скривил губы – знающий его понял бы, что гвардийка... не дотягивает до высоких стандартов.

Грудь так себе – маленькая, но вряд ли упругая.

И бёдра со складками, словно с жабрами...

... и голос... конечно, женская служба – молчаливая, но это уж слишком! А в постели... даже если зашить ей рот.

Сосед Санрэя, генерал Эдмунд, весь монолог просидел с лицом похожим на головню. Пылала она настолько жарко, что Клаус Бриц, казалось, мог прикурить о соседа сигару. Впрочем, вряд ли бы ему этого захотелось. Увлёкшись представлением, – в отличие от остальных, Бриц знал о гвардийках понаслышке – генерал государственной обороны забыл вовремя достать изо рта курево и теперь морщился, облизывая обожженные губы. Рядовой “стойкого” полка посаженный одесную от Брицу злорадно подумал, что это наказание Кляузнику от генералиссимуса за недостойное паррика пренебрежение дисциплиной.

Курить на свадьбе было запрещено)

Вновь заговорил Санрэй.

– Счастлив доложить, что наше наступление, вопреки всем усилиям Иудефьяка, оказалось успешным! Решительными действиями Фердинанда Грека и моими собственными власть нечеловеков в Гвардии практически уничтожена. Грека докладывает, что в ближайшие месяцы, по мере ликвидации нечеловеческих недобитков, он сможет перебросить на митисийский фронт ещё несколько полков. Благодаря этому господин наш генералиссимус, в лице Хорке Ишбала, сможет не просто отразить атаку митисийцев и загнать их в Макай, как это ранее планировалось, но окружить и полностью уничтожить противостоящие ему митисийские войска, вторично взять Макай и пробить дорогу к Медине, где, как всем нам известно, скрывается от

возмездия Иудефьяк. Победа близка! Мы осадим митисийскую столицу и затравим колдуна прямо в его логове!

Аплодисменты поднялись как вода по весне – до самого горла.

– И в этом последнем, решительном сражении мы, паррики, уже будем не одиноки.

Генерал незаметно ткнул Рыжего в спину. Рядовой поднялся, возвысившись над дамой Агнесс как гора над городом.

– Очищенная от нечеловеков Гвардия присоединяется к своим Героям! В ознаменование восстановления единого антимитисийского фронта, королева Гвардии Агнесс выходит замуж за солдата Милитарии Сар-Паррик, соответствующего герою Джефферсу! В ознаменование восстановления единого антимитисийского фронта троекратно “славься”!

...ся!

Санрэй повернулся к застывшей, как заглянувшая в зеркало горгона, Агнесс и официально представил ей Рыжего.

– ...рядовой солдат первого “победоносного” полка, под командованием героя Хёнинга. Полностью соответствует герою Джефферсу. В битве на незначительном мосту целый день сдерживал наступление Тенши Иудефьяка Рибирто Кареу. После поражения рыцарских войск возглавил сопротивление митисийским захватчикам...

Генерал Санрэй зачитал список подвигов Рыжего, начинающийся подвигами самого Джефферса, бедного рыцаря из тех, кто за неимением собственного замка вынужден был ютиться в городках, деревушках, заставах или вовсе скитаться по необъятной Гвардии. Но

– любопытный казус, имевший под собой дипломатические причины -

подробно осветив подвиги Джефферса на войне, проигранной Гвардией Иудефьяку, Санрэй особо отметил, что Джефферс пришёл на помощь терпящим ещё больший крах, паррикам, презрев волю предавшегося колдуну короля. В красках расписал судьбоносное сражение за Ставку, носившую тогда иное имя, и второе сражение за Ставку, после – и по результатам – которого она и стала Ставкой, ... и как через барьер перемахнул через годы, к эре генералиссимуса: Третьему Митисийскому Наступлению, и борьбе с ним, и далее, обойдя войны с Гвардией и жизнь в глаза не видевшего митисийцев Рыжего. Подвиги героя против рыцарей внезапно оказались неудобными и были опущены.

Джефферс – поведал вместо этого Санрэй – убил Тенши Иудефьяка Омикорна. Он был первым среди тех, кто брал Макай и среди тех, кто прикрыл отступающих парриков во время Четвёртого, удачного, контрнаступления митисийцев, а во время, растянувшегося до настоящего времени Пятого совершил ещё великое множество славных деяний.

Рыжий... не жаловался. После того, как генералиссимус ограничил запрет, согласно которому два солдата не могли соответствовать одному герою, рамками одного фронта, на митисийском появился свой Джефферс и много ещё кто, и точно также обогатился гвардийский фронт. Герои приобрели метафизическое измерение. И конечно, нельзя было не согласиться с тем, что на свадьбе, скрепляющей паррико-гвардийский союз, подвиги второй ипостаси Джефферса и в самом деле смотрелись уместней.

...по знаку закончившего Санрэя Рыжему передали инструмент: иглы, ритуальный нож и баночки с краской. Сжав до хруста зубы, королева повернулась к будущему мужу спиной.

(Это был он!

Агнесс не могла ошибиться. Тот самый паррик, тыкавший подождённым знаменем в свляющуюся шесть низких, будто пригнутые к земле древесные кроны, облаков, не иначе полагая, что так его увидят не только гвардийцы в цитадели, но и этот их... Иудефьяк. В отличие от других женщин, жмущихся друг другу на гребне покрывшейся оспинами выбоин стене, королева имела счастье лицезреть действие в подробностях.

...В те времена укрепления ещё кое-как сдерживали парриков. Города собирали вокруг себя врагов, как магнит железную стружку, замки и храмы чугунными ядрами висли на ногах непобедимых полков. Но подводили и они – на сей раз паррики ворвались внутрь на плечах защитников, сдуру решившихся на вылазку. Это был приговор, утверждённый богами – ухватив победу за пятку, военные идеалисты не отпускали её, и выбить их назад в поле было не проще, чем повернуть вспять время... И всё же рыцари попытались.

Их отчаянную контратаку захватчики утопили в крови; быстро взяли верх в уличных боях – несмотря на то, что гвардийцы понимая, что пощады не будет ни им, ни их семьям, бились как никогда отчаянно – и, не откладывая в долгих ящик, овладели рубежом призмковых стен. Оставался только сам замок, сопротивлявшийся с упорством обречённого, но на него паррикам просто не хватило времени. Из ещё не разорённых областей, как всегда, превосходя врага числом, под грохот барабанов и напевы флейт, колыхая знамёнами, точно волна пеной, выдвигалась новая армия. Безногий Всадник, Фердинанд Грека, не уповая на непобедимость своих войск – Агнесс никак не могла отказать ему в уме! – торопливо подгребал под себя рассеявшиеся по стране отряды...

...Огромный, как будто великан из сказки, паррик поднял горящее знамя и, развернув полотнищем книзу, вогнал – так добивают врага – в сложенную заранее кучу тряпья. Оно занялось мгновенно, и огонь прихотливо извиваясь, потёк по улицам, словно нити татуировки по коже Агнесс: буквы складывались в предложения, предложения – в речь. Послание, выжидаемое по плоти города, гласило несгибаемость, непреклонность, неотвратимость возмездия; впрочем, слова быстро растворились в огненном озере. Когда всё закончилось, стоять осталась только закоптелая цитадель – последний зуб во рту дряхлого, разваливающегося на глазах рыцарского королевства. И – вонь горелого мяса, густая как сам йогурт, слизанный первыми королями с вымени бесформенной богини Шуб-Ниггурат. И – пепел, пепел, пепел! – паррики ушли, но, обозлённые упорством защитников, позаботились о том, чтобы никто не смог последовать их примеру).

Рыжий склонился над Агнесс и сделал первый надрез.

Хруст рассечённой кожи внезапно показался солдату оглушающим, а от вида выступившей крови ему – ветерану бесчисленных боёв – сделалось нехорошо. Рыжий пошатнулся, и только выкованный войной характер удержал его от того, чтобы выронить нож. “Считать её человеком” – опять повторил себе Рыжий – “считать её человеком”.

Разрез получился недостаточно глубоким, и Рыжий повторил и его, приложив усилие. Постепенно тело Агнесс покрывалось татуировками, символизирующими рыцарские добродетели жениха – а меж ними, – и сращенные с ними сложным образом – проступили подвиги героя Джеффера, живым памятником которому Агнесс предстояло служить до конца своих дней; кровь, алой паутиной облепившая тело королевы, в этот момент считалась за кровь поражённых героем митисийцев. Невеста превращалась в карту, описывающую не пространство, но время – битвы были странами, деяния городами и посёлками, вьющиеся лозой узоры логикой, соединяющей их друг с другом. Жизнь рыцаря, погибшего ещё до рождения Рыжего, на войне, начавшейся прежде его собственного рождения, в контексте истории этой войны, отразившейся в женщине.

Несмотря на первоначальное смятение, рядовой работал уверенно – сказывались тренировки на крестьянках, организованные для него по приказу генерала Эдмунда, только очень медленно. Церемония ползла к завершению капелькой слюны по подбородку. К сожалению, Рыжий этого не понимал и не чувствовал нарастающего нетерпения.

(Не выдержав ожидания, штабные “крысы” начали переговариваться. Следуя их примеру, к поруганию дисциплины присоединись и солдаты, а за ними гвардийские рыцари, тоже раз-

драженные, – но уже профанацией ритуала, невольно допущенной Рыжим... Шум поднимался, как тина со дна реки, и даже славящийся выдержкой генерал Санрэй переминался с ноги на ногу. Молчал только генерал Эдмунд; он находил странное удовлетворение в мысли о том, что с женщиной паррикой так не будут обращаться никогда – странное, если знать о том, какую роль он сыграл в подготовке свадьбы).

На каменные плечи подобравшейся как перед прыжком Ставки, тем временем, плащом легли сумерки. По захваченным туманом улицам столицы парриков чумными крысами шныряли слухи. Третий, тыловой, фронт Милитарии, как всегда, информировали на необходимо достаточном уровне. Никто ещё знал о том, что свершается за наглухо закрытыми дверями Штаба, ни о крутом, как рубануть с плеча, зигзаге политики парриков, впрочем, о разгроме рыцарских войск героем-генералом Санрэем им сообщили. Но не это заставляло сердца последователей генералиссимуса биться учащённо – за долгие годы войны паррики научились настойчиво относиться к победам сколь угодно ярким и окончательным – город обсуждал переброску войск. То, что один из фронтов, столь долго существовавших в отрыве друг от друга и, подобно параллельным мирам, общающимся только через Angelus Errare¹ Штаба, протянул руку другому, означило перемену. Милитария познавала и собирала себя отовсюду, не позволяя надеяться и всё же надеясь, что окончательное поражение проклятого Иудефьяка не за горами.

– Всё!

Про себя сказал Рыжий, забивая гвоздиком “ё”

Солдат распрямился, ощущая приятное похрустывание в позвоночнике. Разукрашивание невесты было закончено. Генерал Санрэй быстро передал Рыжему символ королевской власти – тиару – и подчинённый Хёнинга торжественно водрузил её на голову Агнесс

(эту часть ритуала Рыжему разъяснили особо).

Теперь молодые, взявшись за руки, могли подойти к столу, за которым восседал нервный Модест Макри, и оформить брак официально, по высшему из разрядов, доступных каждому из объединившихся народов. Так они и поступили. Премиор-генерал поспешно развернул перед августейшей четой, будто тонущий в темноте свиток (заштриховали богов!), гласящий “именем господина нашего генералиссимуса, соединяем вас в идеале”. Рыжий взял перо и размашисто подписался “Джефферс”, а графу “звание” заполнил словами “Герой” “Рядовой” “Король” (всё с большой буквы – прибедняться не в обычае парриков). Агнесс макнула палец в чернила и поставила, нет, не крестик – настоящий могильный крест, – всюду, где требовалось приложение руки невесты. Затем она, добавив рыцарской экзотики, бестрепетно сунула почерневшие пальцы прямо в горящую свечу, черпнула воска и стряхнула на свою подпись, таким образом, запечатлев её.

Наконец, свиток подписали свидетели.

1/3 вторичного воплощения господина генералиссимуса премиор-генерал Модест Макри.

По приказу 1/3 вторичного воплощения господина генералиссимуса Фердинанда Грека, генерал Эдмунд Айсланц.

По приказу 1/3 вторичного воплощения господина генералиссимуса Хорке Ишбала, полковник Цаччария.

Можно было садиться за стол.

¹ Ошибки Ангелов (лат). В Chrono Cross, место пересечения параллельных миров. Поскольку настоящая повесть выросла из фанфика на Chrono Cross, я позволил себе украсить её этой и некоторыми иными отсылками, несмотря на то, что смысловой связи между повестью и Chrono Cross не сохранилось.

3

Их – столы – расставили перстнем.

В центре, как драгоценный камень, рыцарский – из его толщи, искусный резчик поднял всю Великую Гвардию, как со дна морского, и, поднявши, перекрутил таким образом, чтобы столовый прибор и яства каждого из высоких гостей символично оказались прямым в их владениях. Во главу его усадили и Рыжего. Прочие заняли паррики – и рядовые солдаты, и облечённые соответствием величайшим героям, включая Эдмунда, Модеста, и Клауса (Бриц нагло дымил). Таким образом, паррики как бы обретали рыцарское достоинство, а гвардийцы приличествующее им место среди народа раскрывающего Великого Военного Идеал.

– Отныне – с воодушевлением сообщил им Санрэй – число героев-рыцарей в рядах парриков увеличится.

Свадьба плавно переходила в переговоры, и рыцари оказались весьма разговорчивыми.

Ни один из них даже не прикоснулся к еде – разительный контраст с дорвавшимися до стола “крысами”

Вопросы, задаваемые Рыжему промеж здравниц (те, кстати, оказались, весьма необычными и не всегда понятными – на страницах военного вестника такое бы точно не опубликовали), и тостов, не сопровождавшихся возлияниями, были явно заготовлены заранее и столь же явно не утверждались у парриков. Границы владений, распределение полномочий между союзниками и внутри союза... Рыжий элементарно не имел полномочий даже сам-друг обмозговать такое – и, тем не менее, отвечал, ориентируясь на тихие подсказки генерала Санрэя. Нечленораздельно, то есть не голосом, – меньше всего рядовой хотел показаться перед рыцарями смешным (а Хнас наглядно объяснил ему, что быть косноязычным смешно!) – а покачиванием головы, движением бровей, рук...

Зрите, да уверены будьте, – вам я главой помагаю.

Се от лица моего величайший

Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,

И не свершиться не может, когда я главой помагаю²

Обе руки Рыжего оттягивали, лишая возможности утолить голод, символы новообретённой власти. По первому знаку Санрэя рядовой мог или осенить ими подданных, или обрушить их на их головы. Он справлялся – судя по лицу генерала – до тех пор, пока в голове не выстроилось: гвардийская жена, гвардийский стол, гвардийская политика... страх проткнул нутро Рыжего вернее рыцарского меча. Слова вырвались изо рта короля, как жители из горящего города:

– ...Меня... меня... не возьмут в Митиссию!?

На стол с грохотом упала вилка, которой один из гвардийцев рисовал что-то в воздухе, пытаясь донести до свежее испечённого сюзерена нюансы своей позиции.

Выражение лица генерала Эдмунда можно было описать двумя словами – “пистолет” и “выстрелил”. Споткнулся на полуслове даже известный демагог, – вот и сейчас он умело клал на холст воздуха мазки красноречия – повелитель штабных “крыс” Модест Макри. Его собеседники, представители народов, о которых Рыжий знал только то, что они признают генералиссимуса господином всех парриков, Иудефьяка врагом рода человеческого, но их священ-

² Илиада. Песнь первая.

ные книги, тем не менее, запрещены господином генералиссимусом в лице Фердинанда Грека, переглянулись между собой.

Тишина разошлась по Стратегической Зале, как волны от брошенного камня.

Рыжий грезил митисийским фронтом ещё до того как был отправлен – ввиду репутации труса – на гвардийский. Поначалу, после каждой крупной победы над рыцарями он выхаркивал словно мокроту “Митиссия?”. Со временем – по мере взросления – это прекратилось, но детские травмы, как старые раны, то и дело дают о себе знать.

– Вы прибудете на Митисийский фронт во главе армии – генерал Санрэй опомнился первым – как известно, древние короли Гвардии участвовали в сражениях наравне с прочими рыцарями. Эту славную, всецело отвечающую военному идеалу традицию вашему величеству предстоит оживить...

Поняв, что по гамбургскому счёту он прилюдно обделался, Рыжий судорожно кивнул и попытался сделать на своём лице короля как можно более соответствующего традиции. В голову как назло лезли картины рассыпающихся карточным домиком рыцарских армий.

Резко отодвинув кресло, Агнесс встала.

– Прошу моего супруга и господина... следовать за мной.

Это были её первые слова, если не считать монолога на алтаре.

Окружавшее новобрачных море взволновалось. Поступок королевы скандализировал рыцарей второй раз подряд, и для них оказалось уже чересчур – тело тишины рассекли возмущённые возгласы. Проигнорировав их Агнесс, оставила стол, гостей, так и никем не тронутые яства, – давно, впрочем, остывшие. Символичное обстоятельство, свидетельствовавшее о том, что союз гвардийцев и парриков скреплялся холодным рассудком, а не пылкими чувствами. ...“Неслыханно!”, “Кошунственно!” – поднялось за спиной королевы – не дать не взять, шерстинки на теле взъярившегося кота.

Рыжий тоже поднялся.

Впервые за вечер он взглянул на Агнесс как на женщину. На плечах, выпирающих лопатках и тощих, некормленных ягодицах уходящей королевы бабочками играли отблески светильников. После нескончаемого потока голых крестьянок Рыжий думал, не сможет смотреть на женское тело без тошноты, по меньшей мере, месяц, но это оказалось не так. Он знал, что должен будет провести ночь в одной комнате с Агнесс, и что это значит, но прочувствовал дело только сейчас. Шея Рыжего вспотела, будто обмотанная шарфом.

– Осмелюсь вам напомнить, рядовой...

Тихо сказал генерал Эдмунд

– ...что господин наш генералиссимус считает гвардийцев существами, близкими по своим свойствам к животным! Совокупление с подобным... существом абсолютно недопустимо для паррика!

Рыжий остановился

– Цаччария – хрустнул ледком генерал Санрэй – это в прошлом. Господин генералиссимус в своём вторичном воплощении, (короткий взгляд на Макри) переменял мнение,... узрев доблести наших друзей и проявленную ими готовности поддержать нас в борьбе.

Рыжий сглотнул.

Генерал Санрэй второй раз за вечер подмигнул рядовому. Это явно означало “зелёный свет”. На всякий случай рядовой оглянулся ещё на генерала Эдмунда и понял что да, он услышался, – про животных сказал незнакомый Цаччария, и Эдмунд не был этим доволен. Слово бойца митисийского фронта, пусть даже не генерала, значило для Рыжего много, но Цаччария молчал, а молчание можно было при желании принять за согласие. Рыжий желал. Тем не менее, он ещё немного потоптался на месте под стрелами рыцарских взглядов, давая офицерам время обменяться знаками и прийти к единому мнению.

– Идите – сказал Санрэй – Милитария вас не забудет.

Рыжий отдал честь.

У самой двери, словно ощутив что-то, рядовой оглянулся. Возмущение гвардийцев улеглось за отсутствием зрительского отклика; расплываясь в креслах, его подданные переговаривались между собой. Расстояние стирало голоса, как ветер следы на песке, но Рыжий понял, что рыцари пережевывают рыбу, выловленную из слов Санрэя и жестикуляции своего короля. Рыбу, состоящую из одной только из чешуи и костей.

Рыжий умел думать, хотя его полковые братья и даже сам полковник Хёнинг были убеждены в обратном. Он понимал, например, что всецело отвечающая Военному Идеалу традиция, это только для ностальгирующих по времени оно гвардийцев – у парриков чины выше полковника лично сражались только в крайних случаях. А из разговоров рыцарей уяснил и то, что лишь немногие из его вассалов действительно владеют землями, к коим они столь символически присосались, большинство лишь надеялись или рассчитывали получить их как плату за помощь, по мере дальнейших побед над нечеловеками в Гвардии. Если отнять тех, кто имеет от тех, кто не имеет, тронный стол Рыжего становился похож на челюсть старика, сохранившегося плохо. И по мере перевода полков на митисийский фронт территория, контролируемая Милитарией, сохнет подобно трупу, брошенному в пустыне. Паррики и раньше не столько завоевывали, сколько кочевали по Гвардии, а теперь... какой смысл размещать гарнизоны в отдалённых укреплениях, если не можешь своевременно прийти им на помощь? Оставшиеся в Гвардии изменники (так выразился Санрэй) выигрывали больше, чем верные за столом.

Рыжий пожал плечами и пошёл следом за своей женщиной, запоздало радуясь тому, что голос у неё оказался хоть и с погрешностью: хрипловатый и по-змеиному шершавый, но вполне укладывающимся в определение “женский”. Очевидно, она владела им так же, как генерал Санрэй армией или Рыжий мечом, и потому могла сказать, как Иудефьяк.

Правда, сам Рыжий обычно слышал другой голос, но это, наверное, не важно...

(за соседним столом Модест Макри, обильно жестикулируя, что-то настойчиво внушал собеседникам-послам. Те вежливо кивали, но их лица при этом походило на маски. Судя по складке исказившей выражение лица премиор-генерала, – так порой искажает картину единственный штрих – Макри испытывал немалое напряжение. Эдмунд Айсланц, бросив взгляд на 1/3 вторичного пришествия генералиссимуса, махнул рукой, ухватил невостребованную бутылку вина, да и залил в себя прямо из горла.

Кажется, и здесь что-то не складывалось)

4

Спальне придали максимальное сходство с изнанкой рыцарского замка, настолько это было возможно в рамках генерального штаба Милитарии, с его комнатами, душными, что хоть топор вешай, и тесными, как монастырские кельи. Кадки с водой, растения с разлапистыми листьями, разбросавшие сети теней, горькая отрыжка перекормленного камина – пожалуй, итоговый результат не сильно отличался от разоружения Рыжего и переоблачения его в “парадное платье”. Не знавшему Штаба солдату пришлось порядком поплутать, добираясь до спальни – Агнесс сполна воспользовалась предоставленной ей форой. Выдали её рыцари – почётный караул, поставленный у дверей спальни. Они же впустили Рыжего, поприветствовав его, как в Гвардии принято приветствовать королей.

Солдат вошёл.

Света было ощутимо меньше, чем в Стратегической Зале, – словно в преданном мечу городе отблески пламени больше сгущали мрак, чем рассеивали его – и всё же достаточно, чтобы Рыжий разглядел сидящую на кровати женщину, во всех подробностях её нового платья: от запёкшейся крови, тёмными кружевами облепившей тело, до указательного пальца, одевшегося в чернильный чулок и брошки волдыря на нём. Простыни на кровати – белые точно ска-

терть. Желудок Рыжего заурчал, как почуявший мясо кот, словно женщина могла как-то утолить и этот голод тоже. Татуировка Агнесс всё ещё сочится “митисийской” кровью – можно ли желать момента более подходящего? Соединится с собственной жизнью в любовном экстазе, что может быть естественней? Какой паррик отказался бы, когда сам генералиссимус заповедал радоваться назло колдуну?

Не нужно бояться занести в раны грязь – в состав татуировочной смеси входит обеззараживающее средство. А боль... ну, у гвардийцев так принято...

... всего шаг, но в нём расстояние, вместившее в себя весь путь победоносного полка через Гвардию и обратно – что с Рыжим не так? Сверхъестественная усталость заставила рядового остановиться, задуматься.

Полковые братья рядового описывали женщин в терминах ножек, грудей, поп и звуков издаваемых во время оргазма, таким же солдат попытался разложить теперь королеву – как по полочкам. Ручку сюда, ножку туда, туда же взятые по отдельности ягодицы... против воли рядового части упорно складывались назад в женщину, не укладывающуюся в границы норм, и погрешностей. Королева казалась как-то по-особенному хрупкой – слишком хрупкой, чтобы её можно было взять за бедра и одеть на себя, будто сапог или рукавицу. Даже пошевелиться рядом с ней, было как-то боязно. Словно... словно она настроение, эхо песни, позволявшей на время забыть, что на обед у них ныне присно, и до конца войны рыба, и её – песню – можно разбить неосторожным движением...

Ступни Агнесс... такие маленькие, что Рыжий, наверное, смог бы взять их обе в одну ладонь и накрыть сверху пальцами... откуда всё это взялось? Почему складки на бёдрах, жёсткие даже на вид, и запах выброшенной на берег рыбы, утратили значение?

Проведя половину жизни на гвардийском фронте, на женщин в татуировках Рыжий наглядился по самое изобилие. Многие из них были куда красивее Агнесс, и все сильно меньше его, но ни к одной из них он не боялся приблизиться, и не одна не тянула его к себе будто знамя полка после боя или голос, призывающий укрепить соответствие. Подумалось внезапно и вовсе дикое – такую же смесь благоговения и страха он ощущал, когда приближался к генералу Эдмунду, Фердинанду Грека, или даже Санрэю...

Может быть, это колдовство?

“Если влюбился, брат, её надо трахнуть” – наконец услышал Рыжий голос Хнаса, настоящего знатока – “просто трахнуть. Вниз, в зад, в глотку. Как рукой снимает”

Укрепившись в себе, Рыжий собрался последовать совету, но ему помешали.

Тени в неприметных уголках ожили, и, воплотились четвёркой госников, иначе, подчинённых генерала государственной обороны, любителя экзотических сигар Клауса Брица. Госники отдали честь Рыжему так, словно он был их сослуживцем, и по-хозяйски расположились в комнате. “Бдительность,” – запоздало напомнил себе Рыжий – “Бдительность”. Враг... Испытав странное облегчение, солдат присел на краешек кровати и, сторбившись, уставился в дверь. Желудок его урчал по-прежнему, и сердобольный госник вручил рядовому утешительный приз – что-то гвардийское, но съедобное.

Агнесс лежала на постели в позе трупа, и взгляд её, устремлённый в потолок, абсолютно ничего не выражал.

5

“И руки по локоть погрузил я в дерьмо”

Других слов у Эдмунда Айсланца не было. Если бы не обязанности перед Милитарией и гордость высшей формы человека – паррика, он не ограничился бы половиной бутылки, а надрался до состояния, в котором перестаёшь отличать “да здравствует господин наш генералиссимус”, от “будь проклят Иудефьяк”. Генерал запрокинул гудящую, словно колокол, голову и взглянул в небо. Оно совсем почернело, как будто гигантский встревоженный осьминог опо-

рожнил туда свой мешок. Сквозь постепенно рассеивающийся туман медленно проступал лунный диск и тусклые звёзды.

Факелы, зажженные неизвестными героями? Любопытные глаза неведомых существ? Святыишия приманки, на которые хищники космического океана ловят добычу, точно он сам на червя? В обществе Итсуми на Эдмунда часто находило поэтическое настроение.

Наконец, генерал спросил:

– Зачем ты присвоил себе мою победу?

Ледок в собственном голосе неприятно удивил Эдмунда.

– Ты лучше скажи, как показали себя солдаты, когда узнали, что за дело взялся Санрэй?

– Лучше чем когда-либо. Мне никогда не удавалось добиться от них ничего подобного.

Хотя меня тоже любят. Нет, любили...

– Ну, и чем ты после этого недоволен?

– Тем и не доволен. Побеждаю я, а любят тебя.

“В самом деле, чем”? Получив из Штаба запечатанный пакет “на крайний случай” с инструкцией действовать только от лица генерала Санрэя, Эдмунд честно выполнил приказ, и правильно – хотя бы потому, что, играя от себя, ему вряд ли удалось бы вклиниться в командование операцией и спасти дело. Милитария одержала победу, вот и всё. Иудефьяк, он же ещё на поле боя принял решение не поднимать этот вопрос...

“Всё эта тварь”. “Голая Татуированная Тварь”.

“Она играет на моих нервах”

Лучшие стрелки Милитарии – Эдмунд Айсланц и Санрэй-Итсуми. На максимальной дистанции пулю, попавшую на палец от центра мишени, Эдмунд воспринимал, словно фальшивую ноту. Организованная им самим свадьба от начала и до конца состояла из таких вот фальшивых нот. Взять хотя бы треклятое “представление”! На первый взгляд ничего особенного: обычное рыцарское варварство (подобных монологов удостоился любой хоть сколько-нибудь заметный командиров парриков, включая его самого). А на деле возможность безнаказанно поливать парриков и радоваться успехам их врагов, одновременно выставляя их карикатурными клоунами, с коими и сражаться-то стыдно.

“В чёрно-чёрной стороне, в чёрно-чёрном месте...”

Свадебная речь королевы, написанная заранее, до сих пор лежала у Эдмунда в кармане. Она была написана от лица героя Джефферса, томящегося в застенках Иудефьяка.

Эдмунд знал Агнесс всего ничего, но уже хотел её придушить.

– Зачем ты послал его еб*ать эту бл*дь...?

“Да что с ним такое”? Да, мысль о том, что гвардийка сейчас получает удовольствие от паррика, причиняет боль сходную с зубной, но причём здесь Итсуми? Он-то как раз попал в яблочко, это Цаччария дурак. Если паррики считают Джефферса Королём Гвардийским на том основании, что он единственный из крупных вождей пришёл на помощь паррикам – несусветная чушь с гвардийской точки зрения, но Эдмунду нравилось – то соответствующий ему солдат является единственно законным правителем рыцарей. А, следовательно, королева получает право называться таковой только по заключению брака! Сам бы он, даром что генерал, никогда до такого не додумался. А Итсуми смог!

Эдмунд вспомнил, как выглядела тварь, когда любимый рядовой Хёнинга нахлобучил ей тиару, (ещё и придерживал, чтобы не свалилась!) и у него отлегло от сердца.

– На самом деле тебя беспокоит Модест, резервная армия и Фердинанд Грека.

Друзья сидели прямо на площади Раскрытия, опираясь спинами о стены Штаба.

Улицы Ставки опустели. Город спал, мучаясь надеждой и страхом, не ведая о военном вестнике, уже написанном, отцензуренном и размноженном, чтобы с наступлением утра быть доставленным в каждый дом. Компанию генералам составляла только початая бутылка вина,

прихваченная Эдмундом, бокалы, без обиняков поставленные прямо на брусчатку, и две упорные травинки, пробившиеся сквозь камень вопреки всему.

– Грека надо убирать

Сказал Санрэй. Нет, Эдмунд.

И вновь удивился сам себе. Фердинанда Грека? 1/3 вторичного воплощения генералиссимуса, командовавшего парриками ещё при первом его воплощении? Опытнейшего полководца, обогатившего науку Милитарии десятком изумительных стратагем, позволявших брать рыцарские замки без изнурительных осад? Творца её побед? Эдмунд вспомнил все ошибки Грека за последние годы и с неожиданным спокойствием ответил сам себе – да. Именно об этом он должен говорить с Итсуми. Безногий Всадник Гвардии свалился со своей лошади. Жрец Побед парриков, сам того не замечая, кадит иному божеству. Старый волк, ... Короче, как Иудефьяка не назови...

Влажная стена Штаба приятно холодила Эдмунду затылок, способствуя ясности мыслей.

– Пересмотреть его соответствие невозможно.

– Это да. Такой никому не подчиняться не будет.

– Остаётся натаскивание новичков или Штаб.

– В Штаб нельзя. Слишком близко к резервной армии. Старик может впасть в искушение...

– Модест, я понимаю, уже впал...

Санрэй говорил то, что Эдмунд, успокоившись, сказал бы сам себе – и в какой-то момент Айсланцу даже стало казаться, что он один. Сидит, прихлёбывает вино, приправленное настоящей в тумане взвесью, и наводит порядок в своей голове.

Гвардийская компания в её настоящем виде не отвечает интересам... просрана, чего юлить. Не выиграв ни одного крупного сражения, рыцари повисли на руках у Грека, будто чудовищные раки. Сохранять такое положение в преддверье решительного наступления митисийцев всё равно что сунуть голову в петлю. С рыцарями надо кончать, и если для этого следует поступиться захваченными территориями, или ублажать Голую Татуированную Тварь и её клеветов, так тому и быть. Эдмунд ни на грош не верил в возможность затащить гвардийцев на митисийский фронт в количестве большем, чем символическое, но союз позволял свалить на них часть забот по поддержанию скукоживающегося рыцарского. К слову, то, что подобное вообще оказалось возможным, в глазах Эдмунда служило наглядным подтверждением нелестной характеристики, данной гвардийскому народу генералиссимусом. Нечеловеки и животные, как они есть.

Сидеть за одним столом с такими не лучше, чем поселиться в отхожей яме... ну и что? Эдмунд готов был унизиться, чтобы Милитария немножечко приблизилась к цели.

– Модест уже впал – подытожил Итсуми, подняв бокал над головой, как если бы хотел чокнуться со звездой – и поэтому нам нужен непобедимый Санрэй, которого очень любят солдаты, включая и тех, что угодили в резерв. Они выполняют мой приказ.

– Пусть так. Но то, что делаете вы с Модестом ненормально. Резервная армия по своему размеру уже сопоставима с митисийской, и она никак не используется! Полковники отказываются давать солдатам отпуска...они оказываются бессрочным! Походы по местам славы генералиссимуса заканчиваются в резервной армии. Занятия по установлению офицерского соответствия заканчиваются в резервной армии. И ладно бы, если в итоге резервы оказывались у Хорке! Солдаты месяцами маринуются вдали от фронта, как будто для Модеста мир уже наступил. Даже думать не хочу, кому они теперь соответствуют... У нас шутят, что в Ставке завёлся второй Иудефьяк, и это не безобидно, Итсуми!

Эдмунду очень не понравились слова новоиспеченного короля Гвардии. Да, кое в чём он был прав, – окажись у Грека хотя бы четверть от резервной армии, Жрец Побед парриков справился бы и без вмешательства Эдмунда. Другое дело, что пять или даже три года назад

Грека не потребовались бы резервы. “Он слишком много о них думает” – мысленно скривился Эдмунд – “о них и том, как громил рыхлые рыцарские армии в прошлом”.

И хуже того, он об этом говорит...

– Где солдат, там и власть, как завещал генералиссимус, а у кого больше всего солдат?

– У Грека. То есть было у Грека. У Хорке, у Модеста...

– Ну и зачем Модесту отдавать солдат Хорке, если тот и так сильнее его. Всё просто.

– Да, просто.

Эдмунд согласился. Просто. Милитария Сар-Паррик это не государство и армия, как за морем, это армия, сохранившая те черты и функции государства, без которых не могла обойтись, равно и пороки. Иная простота хуже воровства, потому что дезертирство...

– Тебя надо отправить на гвардийский фронт вместо Грека. Хотя... будет непросто объяснить, почему непобедимый генерал Санрэй сражается с уже побеждённым противником.

– Ничуть не сложнее чем то, почему он согласился возглавить армию, которая... как там у вас говорят...

– Вступит в бой, когда Иудефьяк опять ворвётся в Ставку.

– А ты возьмёшь на себя митисийцев?

– Ими, как обычно, займётся Хорке. И я...

Верхняя губа Эдмунда хищно приподнялась. Он был готов казнить ... короля Гвардии за публичное унижение парриков, но чувства его понимал отменно. Всякий раз, когда речь заходила о переводе на митисийский фронт, генерал чувствовал себя собакой, взявшей след. Эдмунд достиг всего в Гвардии, упёршись лишь в Грека, повзрослел и закалился, научился побеждать в самых тяжёлых обстоятельствах, превзошёл самого Жреца Побед...

Хватит ли этого, чтобы не ударить в грязь лицом перед Тенши, как его там ... Якуровым?

– Клянусь, на митисийском фронте генерал Санрэй одержит самую громкую из своих побед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.